

М.Н. Катков

"Национальная партия" в России

Национальная партия в России" - вот под каким курьёзным заглавием появилась недавно в "Кёльнской Газете" небольшая статейка, присланная из С.-Петербурга. Национальная партия в России! Найдите еще хотя бы одну страну в Европе, к которой бы эти слова могли быть отнесены в том самом смысле, в каком они применяются теперь к России. Ни в государствах сильных и здоровых, ни в государствах разлагающихся не найдете вы национальной партии. Национальная партия во Франции, или в Англии, или в Пруссии - это весь народ этих стран, народ, сознающий свое достоинство, готовый стоять за свою честь и за свои интересы и не распадающийся в этом отношении ни на какие партии, ни на какие подразделения. В состав этих народов вошли так же, как и у нас, разнородные и даже враждебные к целому элементы, как, например, поляки в Пруссии, ирландцы в Соединенном Королевстве; но эта рознь, эта враждебность, не находя себе ни опоры, ни поддержки там, где заключается источник всякой политической силы и значения, остается едва заметною, едва чувствительною и большею частью не требует никакого противодействия. В Австрии и в Турции, хотя по совершенно противоположной причине, но точно так же не может быть речи о какой-либо одной национальной партии. Австрия - это сборное государство, в состав которого вошли целиком самостоятельные государства, скрепленные между собою только внешним образом посредством немецкого правительственного начала; Турция - это распадающееся государство, в котором составные его части стремятся врознь и спешат образовать из себя особые, самостоятельные государства. В Австрии и Турции есть части, стремящиеся отделиться и обособиться, но там нет противоположности между какими-то национальными и какими-то ненациональными, то есть космополитическими, партиями. Россия, слава Богу, не есть ни государство сборное, как Австрия, ни распадающееся, как Турция. А потому если только допустить в России существование подобной национальной партии, то надобно признать внутри ее существование враждебных к русскому народу и его государству партий, а также признать и то, что эти партии, сильные, конечно, не своею, а заимствованною ими силой, в состоянии заставить русский народ тревожиться за его честь, интересы и даже за его

существование. В России национальную партию составляет весь русский народ. Правда, что он выступает в этом значении только в редкие минуты своего пробуждения, в те минуты, когда он живет полною жизнью и участвует в совершении своих судеб; правда, что в другое время он как бы отодвигается в сторону. Но это самозабвение и самоотречение не должно никого вводить в обман: русский народ спокоен за свою честь и свои национальные интересы вследствие уверенности, что они вполне ограждаются верховною властью, которую он считает всецело русскою, которой он доселе никогда не противопоставлял себя и с которою он чувствует себя единым организмом. "Кельнская Газета" напрасно говорит о существовании национального фанатизма в России, который будто бы выражается в слепой ненависти ко всему чужому и в столь же слепом поклонении всему своему. Все это совершеннейшая напраслина и клевета, и петербургский корреспондент не в состоянии ничем подтвердить свое обвинение. Впрочем, он нисколько и не заботится об этом. Было бы решительным заблуждением предполагать, будто бы все подобные статьи и корреспонденции иностранных газет пишутся в виду иностранной публики, и особенно для вразумления ее насчет истинного положения дел в России. Об истине тут не может быть и речи; но этим корреспондентам нет также надобности вводить в заблуждение иностранную публику. Для чего же и для кого же они так усердно пишут? Не ясно ли, что они имеют в виду произвести известное впечатление и действие на русских влиятельных людей, которым недосуг следить за направлениями в русской политической журналистике и припоминать, что было сказано и чего не было сказано в той или другой русской газете? Желая очернить то или другое неудобное для них направление в глазах русских влиятельных лиц и показать всю его нелепость, эти корреспонденты без всякого зазрения совести, но не без некоторых уловок навязывают русским газетам мнения, которых она никогда не высказывали и не могли высказывать. Так и в данном случае корреспондент "Кельнской Газеты" счет за должное прежде всего заявить свое мнимое беспристрастие, отозвавшись с некоторою похвалою о таланте, с которым будто бы издаются "Московские Ведомости", для того чтобы дальнейшие его показания о нашем фанатизме нашли себе большую веру. Впрочем, стоит посмотреть, в чем состоит наш мнимый фанатизм?

"Национальная партия, - пишут в "Кельнской Газете", - органом которой служат "Московские Ведомости", настаивает на возможно большем образовании русского народа, и притом для высших классов его она требует образования, имеющего классическую основу; но она желает этим достигнуть только исключительного господства русского языка и

православного вероисповедания на всем пространстве Русской Империи". Прежде всего пусть читатели сообразят, что это пишет противник русской национальной партии, то есть внутренний враг России, и что он ставит этой так называемой им партии в укор ее заботы о распространении просвещения в русском народе и о том, чтоб оно получило истинно европейские основы. На эти строки мы обращаем особенное внимание тех из наших читателей, которые не составили себе ясного и определенного понятия о системах образования. Нет сомнения, что многие не дают себе отчета, почему необходима у нас, как и везде в Европе, классическая система образования; но вопрос этот, для многих столь отвлеченный и туманный, должен дать им почувствовать себя во всей своей практической силе, если только они сообразят, с какими неимоверными усилиями внутренние враги России во всех сферах противодействуют преобразованиям в лучшем смысле по этой части и какое значение придают они классической системе. Сколько было усилий, сколько обманов, беспримерных по своей бессовестности, пущено в ход для того, чтобы воспользоваться неприготовленностью нашего общества к правильному разумению этого вопроса, для того, чтобы сбить с толку людей влиятельных и ложно направить решение правительства, наконец, испортить сколько можно законодательную меру при ее исполнении, которое теперь наступает и которое еще очень может сделаться для нее окончательным крушением. Пусть поймут те из русских людей, честно мыслящих относительно интересов своего отечества, которые, по неимению в виду всей полноты требующихся данных или по случайному недоразумению, враждуют против классического образования, пусть поймут они, что они делают дело врагов России, и притом злейших врагов, самых ядовитых, самых опасных. Да, только путем образования, - образования европейского, - русский народ может упрочить свое господство в России, то есть свое политическое существование. Только этим путем образования и православная церковь может выйти из того опасного положения, в котором она теперь находится. Если национальная партия так думает, то она хорошо думает, и очень естественно, что она вызывает против себя самую ожесточенную злобу врагов русского дела.

Как русские и как православные, мы не можем не желать всех возможных успехов нашему языку и нашему вероисповеданию; но этих успехов мы не всегда ожидали и ожидаем не от каких-либо внешних и насильственных мер, а от постановки русского народа в такие условия, которые благоприятствовали бы его внутреннему преуспеянию. Не говорили ли мы постоянно, что и католик, и протестант, и даже еврей могут быть истыми русскими гражданами, если бы только мы сами не заставляли их

чувствовать себя людьми чуждыми и даже враждебными русскому народу или, что то же, русскому государству? Есть ли в этих словах хотя бы тень религиозной нетерпимости и исключительности?

Но петербургский корреспондент "Кельнской Газеты" поставляет нам в вину, что мы говорим всегда о русском народе как о господствующем в России и о православной церкви как о господствующей в России церкви. Да, действительно, мы это говорим и повторяем, заявляя тем всем известный исторический, политический и статистический факт, который ничем нельзя опровергнуть. Не называется ли везде религия огромнейшего большинства населения какого-либо государства господствующею в нем религией, и не перестало ли бы Русское государство быть русским, не распалось ли бы оно на составные свои части, если бы русскому народу было отведено в нем то же место и значение, как полякам, немцам, шведам и финнам и т.д., то есть если бы все инородческие элементы были признаны в Русском государстве наряду с русским народом в качестве политических национальностей? Да, без всякого сомнения, русский язык должен господствовать в России, - без всякого сомнения, вероисповедание громадного большинства народонаселений, живущих в России, и ее правительства не может не считаться господствующим, как, например, английский язык и английское вероисповедание в Англии или французский язык и римско-католическое вероисповедание во Франции. Многих господств не может быть в одном государстве; но господство русского языка в России, особенно если это господство будет опираться и на образование, отнюдь не может означать нетерпимости к иностранцам, отнюдь не может вести к национальной исключительности, равно как не может вести образование к религиозному фанатизму. Кто не понимает, кому нужно доказывать, что путь образования, - образования европейского, - не есть путь исключительности и фанатизма? Мысль о единой господствующей народности в государстве и единой господствующей церкви напоминает корреспонденту скорее старинную турецко-татарскую государственную идею в отношении к гяурам, чем основные начала современной государственной жизни, в которой терпимость, образование и свобода соединяют различные племена (у автора национальностей) в одно целое. Действительно, в современных государствах терпимость, образование и свобода должны соединять различные племена, но отнюдь не национальностей, в одно целое. Кто восстает против терпимости, против образования, против свободы, которые должны быть равно и на равных условиях предоставляемы всем подданным государства, какого бы ни были они происхождения и вероисповедания? Но это признание за всеми подданными, какого бы ни были они происхождения и

вероисповедания, равных прав на защиту закона, на образование, на свободу означает ли признание всех племен, всех составных частей государства в качестве особых политических национальностей, находящихся в равных и отдельных отношениях к, общей для них верховной власти? Подобное признание, Поистине, скорее напомнило бы турецко-татарские, чем современные европейские государственные порядки. В самом деле, не видим ли мы в Турции, что не только румыны, сербы, египтяне и тунисцы, но и проживающие там подданные иностранных держав, не группируясь около одной господствующей национальности и не составляя с нею одного целого, образуют как бы свои особые политические национальности, подчиняясь своим особым законам, особым судам, особой администрации? Но зато разве может Турция почитаться цельным, единым и благоустроенным государством? Такие ли порядки желательно было бы водворить и в России нашим противникам "господствующей в русском государстве русской национальности"? Напротив, признает ли Пруссия в качестве особых, равных Между собою политических национальностей своих подданных: пруссаков и наряду с ними поляков, литовцев, лужичан и других? Признают ли что-либо подобное Англия, Франция и всякое другое сколько-нибудь благоустроенное европейское государство? Что же касается до идеи господствующей церкви, которая кажется нашему корреспонденту турецко-татарскою идеей, то пусть он справится в любом учебнике, нет ли и в Англии господствующей церкви и в каких отношениях находится там государственная власть к господствующей церкви и в каких - к римско-католической, к пресвитерианской и к иным диссидентам.

Корреспонденту "Кельнской Газеты" хотелось бы заподозрить нас в глазах тех влиятельных лиц, которых он имеет в виду и которым недосуг справляться с нашими мнениями, в забавной по своей бессмысленности непоследовательности. Мы будто бы страшные панслависты, требуем самого безусловного признания славянских национальностей не только с их живыми, но и с давно вымершими наречиями в различных частях Прусского королевства, и в то же время желаем, путем ли насилия или путем добра, обрусить всех нерусских, проживающих в России. Что мы никогда не вступались таким образом за живые или выродившиеся славянские племена в пределах Пруссии или Австрии, читателям нашим хорошо известно; непризнание этими государствами, и особенно Пруссией, славянских ее племен в качестве особых национальностей мы находили, напротив, делом не только разумным, с ее точки зрения, но и достойным подражания России по отношению к инородческим племенам, обитающим в наших пределах. Для вернейшего достижения своей цели, которая состоит единственно в том,

чтобы уронить в глазах русского правительства русское дело, которому мы посильно служим, петербургский корреспондент "Кельнской Газеты" должен был неминуемо прибегнуть к обычной в подобных случаях уловке. На нашу долю должны были достаться порицания и насмешки, на долю русского правительства - хвалы по отношению к тому же самому предмету. Мы будто бы постоянно проповедуем насилие против инородцев и иноверцев, "так как бы Россия находилась еще в тридцатых годах нынешнего столетия", но русское правительство с большою твердостью идет своим путем, нисколько не поддаваясь подстреканиям "Московских Ведомостей" и понимая, что ему следует держаться политики примирительного образа действий как внутри, так и вне. Разъединить русское правительство и русскую национальную партию, органом которой корреспондент называет "Московские Ведомости", кажется ему еще недостаточно, и вот он противопоставляет русское правительство вообще всему русскому обществу. "Между тем как все реформы, - говорит он, - до сих пор исходят от правительства, русское общество даже и в управлении собственными своими делами, например промышленными предприятиями, обнаруживает такую незрелость, что от него нельзя ожидать ничего существенного". Но каким образом русское общество могло бы взяться за реформы, которые приняло на себя правительство? и из кого состоит это правительство, как не из людей, принадлежащих к русскому же обществу? Если и вообще правительство не может быть противоположаемо обществу, то возможно ли такое противоположение по отношению к России, где с общества снята почти всякая забота о делах общего интереса и почти исключительно предоставлена правительству?

Примут ли журнальные органы русского правительства с благодарностью похвалы петербургского корреспондента "Кельнской Газеты", пройдут ли они их молчанием или отвергнут их с негодованием, это их собственное дело; мы же еще раз должны протестовать против возведенного на нас обвинения, будто бы мы подстрекаем русское правительство к насилиям против инородцев и иноверцев в видах их обрусения и обращения в православие. Не насилий, не преследования или стеснений для племенных особенностей, наречий и языков, или еще менее для религиозной совести инородцев желаем мы; по мы действительно полагаем, что русское правительство может быть только русским на всем пространстве владений Русской державы, приобретенных русскою кровью. Это не насилие против инородцев и не исключительность, а закон и жизни, и логики. Мы полагаем, что на всем пространстве Русской державы не может быть признаваема никакая другая политическая национальность, кроме

русской. Признание всякого другого племени или населения какой-либо части государства за особую политическую национальность было бы равносильно признанию в России, кроме русского подданства, еще иных подданств, или, что то же, - признанию, что в России существует не одно государство, а многие в личном соединении между собою, а это противоречило бы как всей прошедшей истории, так равно и ныне действующим основным законам. В этих положениях, как мы уверены, никто не отыщет и тени чего-либо насильственного или неприязненного в отношении к инородцам; в них выражается только одна несомненная истина, которую не следовало бы и развивать при совершенной ее очевидности, что русское государство есть только Русское государство и что подданство в России может быть только русским подданством, которое, впрочем, могут принимать даже и иностранцы, не говоря уже об инородцах, для которых оно обязательно наравне с природными русскими.